

МОРАЛЬНЫЕ ДРАМЫ И ПАРАДОКСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА (К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА)

А.В. Оболонский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: *Разделы статьи: исторические развилки и «особые пути»; этика либерализма в позднесоветском сознании; бюрократическая ментальность и либерализм; амплуа и роли новые, актеры прежние; романтический период; моральная цена экономической трансформации; негативные психологические последствия; интуитивный либерализм против государственного прессы. Рассматривается социально-этический аспект событий времен перестройки и постсоветских лет. Это были годы расцвета этических либеральных ценностей и соответствующих им романтических надежд и ожиданий, социального запроса на честность власти и справедливость. Но серьезная недооценка значения моральных факторов в процессе реформ породила их последующий кризис, общее разочарование в либерализме и долговременные негативные последствия. Обретение интеллектуальных и политических свобод совпало с тяжелейшей экономической ситуацией и необходимостью жестких мер, которые спасли страну от катастрофы, но за высокую политическую цену. Описан парадокс двойного отношения к либерализму в советской интеллектуальной и бюрократической средах. Избыточная преемственность кадров на управленческих должностях породила в их среде моральную аномию, кризис идентичности и отчуждение. Это способствовало и расцвету системной коррупции. Другим негативным фактором стал феномен обманутого доверия. Автор находит в современной ситуации и некоторые основания для оптимизма, отмечая феномен интуитивного возрождения либеральных ценностей.*

Ключевые слова: *этика, либерализм, бюрократия, политические свободы, кризис идентичности, доверие, протест, разочарование.*

Автор ранее уже неоднократно обращался к темам, рассматриваемым в предлагаемой вниманию читателя статье, и опубликовал по ним несколько работ, в частности, статью в журнале «Общественные науки и современность» в 2018 г. Ее текст в значительной мере используется ниже, разумеется, в существенно обновленном и расширенном виде. Необходимость вновь обратиться к этим сюжетам обусловлена тем печальным обстоятельством, что рассматриваемые темы за последние годы не только не утратили актуальности, но, напротив, приобрели дополнительный драматизм и остроту.

Точки исторических развилок, перекрестков, бифуркаций (есть разные термины для их обозначения) – тема важнейшая. Я, к примеру, описал в свое время целых семь таких перекрестков. Несколько книг этому посвятил [См., напр.: Оболонский 2002; 2003]. Но здесь тема эта будет лишь начальной, в каком-то смысле вводной. А более конкретно я постараюсь описать в качестве относительно самостоятельной линии другую – *моральную и отчасти психологическую* их сторону – применительно к российской истории последних полувека. Названные факторы, как мне представляется, оказали чрезвычайно важное влияние на характер и динамику нашего транзита, на исход попытки перейти на другую колею исторического движения. Очевидная *недооценка «человеческого измерения» процессов, сведение их к экономическим и политическим преобразованиям* представляются корнем многих проблем и разочарований последующего времени. Поскольку я довольно развернуто обосновывал и публиковал свое мнение по данному вопросу в текстах, специально посвященных *ущербности, одномерности экономического детерминизма*, то в данном случае ограничусь лишь этим напоминанием. А более подробно речь пойдет о других вопросах: о *коллизиях бюрократического сознания* в среде чиновников разного ранга, которые согласно представлениям идеологов реформ, должны были проводить их в жизнь, обеспечивая технологическую сторону преобразований, о *столкновениях реальностей транзита с массовыми требованиями и ожиданиями*. А сквозная тема работы – *судьбы и трансформации российского либерализма* за последние полвека. В частности, хочется привлечь внимание к небезнадежным, на мой взгляд, *перспективам реинкарнации российского либерализма*, хотя, возможно, в формах, несколько непривычных для классической либеральной парадигмы. Именно с этими процессами, которым посвящена заключительная часть текста, связан мой осторожный, умеренный, исторический оптимизм.

Исторические развилки и «особые пути»

Само по себе внимание к теме исторических развилок, критических моментов в истории, на которых происходит выбор страной того или иного пути дальнейшего развития – факт важный и позитивный. Ибо она представляется одной из ключевых для понимания и прошлого, и настоящего, и сценариев будущего. Это важно в самых разных отношениях. В том числе – и с точки зрения психологии либерально мыслящих людей. Ведь мы сейчас наблюдаем не только часто нечистоплотное, политиканское очернение либеральной философии и идеологии, причем не столько ее идейными и политическими противниками, сколько просто конъюнктурщиками, пытающимися, и не без успеха, приобрести всякого рода капитал. Упаднические, близкие к катастрофическим, lamentации в разных вариантах звучат и из уст самих либералов. И сегодняшняя реальность, к несчастью, дает для этого много оснований. Но, по сути, эти безнадежные оценки, при всей их интеллектуальной изощренности, вариациях и опоре на фактографические аргументы, в основе своей имеют одну общую концептуальную основу – идею исторического фатализма, представление о якобы непреодолимой заданности некоего «особого пути» России, который почему-то не предполагает какого-либо родства российского менталитета с «человекоцентричной» шкалой ценностей, выработанной и выстраданной, прежде всего, Западной цивилизацией, с соответствующей ей способам организации политической и общественной жизни, к перспективам интеграции с ней России в обозримом историческом будущем.

В спорах и рассуждениях на эту извечную для российской, да и не только, историко-философской рефлексии тему пролито немало чернил, в том числе – и мной. Не буду сейчас в нее углубляться. Скажу лишь, что концепцию зависимости от исторического пути (*path dependence*), на мой взгляд, если и можно отчасти признать, то с одной принципиальной ого-

воркой: нет достаточных оснований и аргументов в пользу ее фатализма и «вечности», якобы невозможности смены исторической «колеи», некой нашей исторической «обреченности», судьбы вечно оставаться в рамках все тех же социально-культурных стереотипов и отношений. Как в отечественной, так и в мировой реальности есть много фактов и примеров, свидетельствующих прямо об обратном. **Смена исторической «колеи» – вещь вполне возможная и отнюдь не уникальная.** К тому же идея якобы обреченности вечно следовать предназначенному исторической судьбой «path dependence», как мне кажется, небезупречно не только в фактическом, но и в научно методологическом отношении. Она основана на сугубо эволюционистском взгляде на историю, исключающем качественные скачки, прорывы за грань эволюционной постепенности. Что, как известно, исторической реальности не соответствует. Япония, например, в течение менее, чем ста лет, четырежды(!) достаточно радикально меняла вектор своего исторического движения. Причём «прыжки» подобного рода случаются, как в одну, так и в другую сторону. Даже в истории XX века тому есть немало примеров. Вспомним хотя бы Германию.

Это якобы безальтернативность истории порой воплощается в звонкой фразе «история не имеет сослагательного наклонения». Но поскольку фраза эта дошла уже даже до лексикона спортивных комментаторов, то особо углубляться в данную тему в серьезном научном журнале представляется не особо приличным. Лиль замечу, что даже как хроника событий, как описание уже свершившегося история отнюдь не безальтернативна, по крайней мере, в ограниченных рамках. Она отнюдь не совсем безальтернативна. Не говоря уж о том, что при взгляде из разных стран она выглядит очень по-разному. О различии страноведческих взглядов на историю, интересную книгу, в частности, написал М. Ферро [Ферро 1992]. А уж как предмет научного анализа она не только допускает, но и предполагает рассмотрение разных альтернатив. Дурной же детерминизм, воплощенный в идее безальтернативности, на мой взгляд, есть наследие и вариация вульгарной версии марксизма-ленинизма. Желających более детально разобраться в данной проблеме могу отослать, например, к сборнику «Одиссей», изданному Институтом всеобщей истории РАН [Одиссей 2000].

А наш отечественный, действительно печальный, отмеченный многочисленными масштабными трагедиями особый исторический путь как раз и предполагает настоятельную необходимость вырваться из порочного круга, воспроизводящего все те же архаичные, во многом бесчеловечные, модели взаимодействия народа и властей предрержащих. Лежащая в их основе антигуманная парадигма подавляла человеческую личность с ее интересами и надеждами. Помимо того, они много раз доказали свою историческую бесперспективность. Так, из-за них Россия трагически проиграла XX век. Но сегодня они опять навязываются нам, теперь в оболочке якобы консерватизма, а на самом деле – ретроградства, архаики, кстати, имеющих мало общего с консерватизмом подлинным. В сегодняшний день они просто разрушительны, грозя стране и ее гражданам сначала стагнацией, затем постепенным коллапсом, а в перспективе – и окончательной катастрофой.

Действительно, до сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных сценариев. Но нам как гражданам необходимо в полной мере осознать и собственную ответственность за судьбу страны. Лишь ограничусь указанием на пример из «параллельного мира»: история, и пример соседней страны – Украины – (еще совсем недавно «братской»), которую высокомерные и недалёковидные имперцы и вовсе считали всего лишь отсталой и ультраконсервативной частью России) показывает, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочих «элит», а воля и поведение самых обычных людей, рядовых граждан, в реальном, а не в казенно шовинистском смысле слова, поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство

в подлинном, может стать мощным и даже определяющим фактором. Хотя это не устраняет последующие сложности, не исключая даже искажений, в том числе и довольно существенных. Но в историческом плане подобные попятные шаги, носят временный характер, не меняя кардинально заданный на историческом перекрестке вектор дальнейшего исторического развития. А мы, если по-прежнему будем упиваться своей «уникальностью» либо сокрушаться из-за нее (в данном случае модус несуществен), то действительно рискуем «приговорить» себя, подобно белке в колесе, к безнадежному продолжению, бега по все по тому же порочному историческому кругу.

Этика либерализма в позднесоветском сознании

В данном случае я исхожу из классического понимания либерализма, не углубляясь в его различные мировоззренческие и исторические нюансы, тем более что даже российская интеллектуальная элита в период, о котором пойдет речь, за небольшими исключениями, не обладала достаточно четким и адекватным представлением о приоритетах и стандартах либеральных взглядов и подходов к политическим и социальным реформам. В плане же этической парадигмы я основываюсь на работах таких авторов английской школы либеральной этической философии как Джордж Мур, Людвиг Витгенштейн, Карл Поппер, иногда называемой «новой этикой». А из отечественных исследований – на труды тюменской школы прикладной этики, обычно связываемой прежде всего с именем Владимира Бакштановского. [См., напр.: Бакштановский, Согомонов, Чурилов 1997].

В данном тексте я само ограничиваюсь вопросом о либеральных и административно-бюрократических взглядах и подходах к российским реформам на последнем этапе существования СССР и в первые постсоветские годы, а также одним, но представляющимся чрезвычайно важным, а в некоторые моменты и сыгравшим ключевую роль **социально-этическим аспектом** событий, ибо имевшая место серьезная недооценка этических факторов породила кризис либеральных ценностей и долговременные негативные последствия, наложившие отпечаток на все последующее развитие событий. Представляется, что в общественном восприятии сути горбачевской перестройки, особенно на первых ее этапах, был очень значим именно **этический фактор**, поскольку первоначальный, «антизастойный» пафос перестройки во многом был направлен против имманентно присущим жизни в СССР лжи, лицемерию, бесчестности, двойному мышлению. Поэтому можно сказать, что при всей многофакторности связанных с ней процессов, она, как минимум, содержала и значительный **моральный** компонент, связанный с либеральными в своей основе ценностями и ожиданиями. К сожалению, политиками-реформаторами, осуществлявшими преобразования в постгорбачевский период, это явно недооценивалось.

Вообще отношение к либерализму во времена СССР содержало в себе элемент парадокса. На формальном, официальном уровне оно было сугубо отрицательным – негативно уничижительным. Что было в рамках официозного дискурса, в общем, логично, поскольку либерализм исходит из посылок, противоположных советской доктрине максимального огосударствления всего и вся и агрессивного неприятия «буржуазного» индивидуализма. А в риторическом плане презрительно унижающее отношение к либералам произрастало из печально известной фразы Ленина, согласно которой либералы – не мозг нации, а субстанция принципиально иного свойства, отбросы, выделяемые человеческим организмом, поименованные к тому же при этом словцом из обценной лексики. Разумеется, в специальной, научной литературе советского времени можно найти и гораздо более элегантно, более пристойные по форме пассажи и оценки. Однако в целом, с точки зрения официоза, либерализм как явление

даже в лучшем случае оценивался как нечто заведомо ошибочное, наивное в самих своих основах, психологически и ментально неполноценное.

Однако парадоксальным образом, вопреки этому, позитивный, даже романтический, хотя и довольно смутный, образ либерализма как чего-то хорошего, даже идеального во всех отношениях, выжил и «тепился» в закоулках интеллектуальной рефлексии, причем в разных слоях общества. И когда идеологическое и политическое давление ослабло, он поразительно быстро превратился в весьма значимый элемент общественного настроения и надежд. Правда, и тут не обошлось без уже другого парадокса, о чем будет сказано несколько ниже.

Бюрократическая ментальность и либерализм

В принципе бюрократическая ментальность не слишком согласуется с либеральными взглядами. Даже в Западных странах. Бюрократы по самому характеру деятельности более склонны к дирижизму и даже к патерналистскому видению своей роли по отношению к обществу, к гражданам и их нуждам. Это связано как с традициями, так и с объективной позицией чиновника в системе правления. И это вдвойне справедливо по отношению к бюрократам советского образца, к чиновникам, порожденным советской системой.

Классический советский бюрократ был антиподом либерала, как говорится, по определению. И по общей идеологии системы, и по роли в ней чиновника, он должен был обеспечить максимальный государственный и партийный контроль над всем и вся. Кроме того, он, в отличие от чиновника в демократических политико-управленческих системах, был ориентирован не «вниз», не на нужды и ожидания граждан, а прежде всего на выполнение приказов и требований вышестоящего начальства. Ведь *публичной службы* в подлинном значении слова в советской системе *не существовало*. Она и не могла существовать хотя бы из-за ее несовместимости с автократической моделью правления и партийно-номенклатурной системой отбора управленческого персонала.

Впрочем, СССР был отнюдь не уникален в этом отношении. Во всех странах советского блока чиновники были лишь «приводным ремнем» для осуществления политической линии правящей партии. (Хотя линия эта периодически довольно существенно менялась, но номенклатурщики, по словам старого советского анекдота, «колебались вместе с колебаниями линии партии».) Обычная в XX веке для западных стран merit system – система заслуг и достоинств при отборе кандидатов на управленческие позиции – практически ни в одной из них не существовала. Вместо нее господствовала партийно-номенклатурная система.

После падения коммунизма несколько постсоциалистических стран предприняли определенные усилия по созданию реально публичной государственной службы. В некоторых из них результаты таких усилий дали больший позитивный результат, в некоторых – меньший. Но, на мой взгляд, едва ли можно найти в этой части мира хотя бы один полностью удачный пример реформы государственной службы. Скорей можно говорить о возникновении ряда избыточно бюрократизированных государств, т. е. государств, где непомерный объем власти оказался в руках бюрократии, причем в ряде случаев социально безответственной и коррумпированной.

Думается, Россия представляет собой классический пример подобной метаморфозы. Хотя формально она прошла с 1991 года минимум через пять «раундов» попыток реформ и три объявленные государственные программы реформирования [Оболонский 2011], качество ее государственной службы скорее ухудшилось, чем улучшилось. Особых достижений ни объективный анализ, ни общественное мнение, ни даже оценки «начальства» не отмечают. И даже само слово «публичная» не привилось, Она по-прежнему называется государственной. При этом я не думаю, что все или даже большинство российских чиновников изна-

чально были безнадежно «плохими парнями». Их «моральный портрет», как представляется, существенно многоцветнее и сложнее.

А советские чиновники, которые и стали первым поколением постсоветского чиновничества, все без исключения были обучены, работали и оценивались по целиком антилиберальным правилам, в рамках полностью антилиберальной парадигмы. Можно предложить их следующую грубую типологию.

- «правовверные» коммунисты советского образца;
- «колеблющиеся ревизионисты» в мыслях и словах «на кухне», но в служебное время – безропотные исполнители любых распоряжений, независимо от личных взглядов;
- просто «рабочие лошадки», «винтики» системы, не думающие о последствиях своих действий за пределами личного горизонта;
- откровенные циники.

Разумеется, возможны и другие, более тонкие и нюансированные классификации. Например, по формальной должностной позиции, по месту в системе, по типу органа – партийные, государственные, профсоюзные... Можно выделить и страту «придворных» бюрократов – аппарат ЦК (хотя там тоже были свои тонкости. Как заметил в свое время А.Е. Бовин – глубокий «включенный наблюдатель» системы, но при этом сохранявший по отношению к ней интеллектуальную дистанцию – «система у нас была хоть и однопартийная, но многоподъездная»).

Амплуа и роли новые, а актёры прежние

Однако главная проблема состояла в другом – в условиях новой, радикально изменившейся в сторону либерализма политики и экономики, *все* они утратили привычное сознание своего общественного статуса как важного звена социальной системы. Их роль в новой системе отношений изменилась и в значительной мере понизилась. Формальные полномочия изменились и сократились. Предыдущие профессиональные навыки и компетенция оказались невостребованными. От них объективно стал требоваться совсем иной характер профессиональной работы, к которому большинство из них не были готовы ни профессионально, ни морально. За небольшим числом исключений, чиновники, унаследованные постсоветской Россией, были просто не в состоянии обеспечить объективно необходимый в новых условиях уровень профессиональных административных управленческих действий. Отсюда, помимо прочего, неизбежно понизилось связанное с этим самоуважение.

В результате возник эффект ресентимента или, следуя терминологии Эмиля Дюркгейма, *моральной аномии*. А формы адаптации к нему варьировались в амплитуде от отчуждения и эскапизма до открытого, или чаще, скрытого, сопротивления переменам. А между этими крайностями расцвели коррупционная психология и соответствующий ей тип поведения. И господствовавшая тогда «ситуация Клондайка», мгновенное по историческим, да и любым рациональным меркам, перераспределение гигантских объемов собственности, материальных ценностей, этому способствовало. Что добавило в общую ситуацию транзита немало дополнительных серьезных проблем, сложностей и несправедливости.

Исходя из опыта транзита нескольких постсоциалистических стран, полагаю, что и нам было необходимо провести определенную *люстрацию* персонала государственных органов. Серьезные кадровые изменения, проведенные в должное время и должным образом, могли бы существенно улучшить многое. Я, разумеется, не имею в виду какого-либо массового увольнения порядочных и политически нейтральных администраторов, какой-либо «охоты на ведьм». Однако хоть что-то в этом направлении должно было быть сделано. А не сделано было ровным счетом ничего. И постсоветская Россия, унаследовав административный персо-

нал советских времен, возложила практически на тех же людей функции по проведению политики, прямо противоположной всему их жизненному и профессиональному опыту. С одним, впрочем, печальным исключением: лучшая часть кадров, люди, лучше и быстрее других сориентировавшиеся в новых обстоятельствах, использовали прошлые связи и доступную им информацию о деталях конкретных приватизационных и финансовых операций и перетекли в новообразованные коммерческие и прочие структуры. А на госслужбе остались «худшие», более инертные и не сумевшие приспособиться. Эмпирические данные на сей счет производят, надо сказать, тяжелое впечатление. По данным О. Крыштановской, даже к середине 90-х годов в правительственных структурах было 75 %, а в бизнесе – 61 % членов бывшей советской номенклатуры [Крыштановская 1996]. Причем больше половины из них попали туда даже не при Горбачеве или Ельцине, а куда раньше – при Брежневле [Савватеева 1995].

Однако политическое руководство тех времен игнорировало эту абсурдную ситуацию. И в результате мы получили явно *избыточную персональную преемственность* в аппарате управления, что, по моему мнению, стало одним из критических препятствий для успешного прохождения периода транзита. Это принципиально отличает Россию от опыта посткоммунистических трансформаций в странах Восточной Европы и отчасти объясняет как особо драматические трудности наших 90-х, так и последующее развитие событий, а также ситуацию, в которой оказалась страна ныне.

Качество нашей бюрократической машины стало хуже, чем в любые предшествующие времена, по крайней мере, за последние пару веков. Это признают все – и политическое руководство страны, и эксперты, и потребители госуслуг на всех уровнях населения. (Так называемые МФЦ – одно из немногих благоприятных исключений, общей ситуации не меняющее.) Хотя в административной среде произошли естественные поколенческие изменения, положение лучше не стало. И никакими полумерами проблему уже не решить. А для мер радикальных нужны политическая воля, решимость и готовность к риску. Особую сложность в данном отношении создает отрицательное отношение и сопротивление радикальным переменам со стороны самого бюрократического аппарата, что, впрочем, понятно. Как говорит одна старофранцузская поговорка – «нельзя доверять лягушкам осушать болото, в котором они живут». К тому же аппарат объективно представляет одну из главных опор политического режима. В сознании самих же бюрократов также произошли радикальные перемены: из испуганных временщиков 90-х они трансформировались в едва ли не «хозяев государства». Многие политологи так и говорят, что *произошел захват государства бюрократией*.

Более того, некоторые ученые (Т.Е. Ворожейкина, В.А. Четвернин) не без резона говорят, что в современной России государства как системы демократических публично властных институтов просто нет, а то, что существует на его месте, заслуживает других названий в амплитуде от деспотии до failed states (провалившихся государств), поскольку оно представляет и защищает не публичные, а частные интересы ограниченной группы лиц. А последние годы о разложении государственных институтов говорят все чаще. Однако, разделяя пафос и аргументацию многих их высказываний, все же замечу, что, исходя из подобной логики, следует распространить эту терминологическую новацию также практически на все существовавшие в истории государственные образования, а также на значительную часть современных государств. И удостаивать именем государств лишь «хорошие» из них. Но как в таком случае именовать тоталитарные, авторитарные, патерналистские, да и вообще любые не демократические государственные структуры? Корректно ли подобное несколько «легкое» обращение с ключевыми, веками устоявшимися терминами и их значениями? Мне кажется, можно обойтись дополнительными уточняющими характеристиками и оговорками,

подразделяющими государства на различные классификационные типы. Впрочем, это вопрос из сферы семантики и этимологии.

Но вернемся в наши 90-е.

Романтический период

На первой стадии трансформаций, во времена перестройки, и особенно на рубеже 80-х и 90-х годов, и в «высоколобом», и в массовом сознании людей, ориентированных на перемены в либеральном направлении, доминировали отнюдь не экономические и даже не правовые аспекты либерализма, а его морально-политическая сторона и пафос: **свобода слова, печати, критики, собраний** были главными в повестке дня. Наверное, это было неизбежно после многих десятилетий советского идеологического морока. При ослаблении семидесятилетнего репрессивного государственного пресса на поверхность вышли естественные человеческие потребности просто «выговориться», объединяться или, напротив, создавать отдельные группы без чьей-либо указки, открыто высказывать и демонстрировать свою накопившуюся неудовлетворенность разными сторонами жизни и т. п. Страна в немалой степени превратилась в подобие гигантского дискуссионного клуба. Причем это затронуло отнюдь не только мегаполисы.

Из личных наблюдений: в конце 80-х, проходя вдоль по улице заштатного городка в Вологодской области, мы с женой могли практически без пауз слушать трансляцию выступления Горбачева на одной из последних партийных конференций; дело было летом, окна были открыты и практически из каждого доносился его голос. А к вечеру на лавочках, в городских скверах, на берегу озера шли горячие дискуссии спонтанно собравшихся людей (кстати, тогда и в голову никому не приходило запрашивать на это какое-либо «согласование»). Во времена же Первого съезда народных депутатов в мае 1989 г. эмоциональный интерес к политике достиг почти эпидемического уровня: люди практически не выключали транзисторов, даже проходя по улице или гуляя на природе, они шли с прижатым к уху приемником. Возможно, то состояние было не вполне нормальным и не могло продолжаться долго. Но оно было необходимым, как легкое болезненное состояние после прививки.

То были очень **романтические годы, полные надежд, ожиданий и, к сожалению, иллюзий**. Вообще политический романтизм, при всей его красоте, эстетизме и возвышенности, в практическом плане не очень эффективен. Имманентно присущие ему повышенная эмоциональность, ажитация, завышенные ожидания упрощают политическую реальность, требуя быстрого результата. В политической науке данный феномен описывается как «революция ожиданий» (В частности, его можно наблюдать на примере «постмайданной» динамики настроений украинской и киргизской революций, что, впрочем, разговор отдельный.) Романтизм довольно быстро выдыхается в удушающе прагматичной атмосфере так называемой *realpolitic*, порой переходя в противоположную крайность – политический цинизм и национализм.

Проблематика совмещения общечеловеческих ценностей (популярное выражение горбачевских времен) и ценностей национальных, соотношения патриотизма и национализма, также очень важна в контексте рассматриваемых вопросов. Ведь в те годы либеральное сознание впервые за советские времена соединилось с патриотическими чувствами. «Стихийные либералы» вместо стыда и неловкости за свою страну, стали гордиться ею. Я, как и многие советские ранее «невыездные», начал тогда ездить за границу и, общаясь с самыми разными людьми, ощущал чувство уважения и даже восхищения по отношению к нам, «постсоветским» – самим, без чьей-либо помощи, пусть с серьезными издержками, но, казалось, навсегда сбросившими советский режим. (По сравнению со сталинским временем

«звездного часа» тоталитаризма, режим во времена брежневского генсекства выглядел как бы «уставшим», приобрел вялую полутоталитарную форму.) Помню, как тогда, в 90-е, не стеснялся и публично, и в частных беседах за рубежом, говорить: «горжусь быть российским гражданином» или, более конкретно, «горжусь быть москвичом». Ни ранее, ни впоследствии подобные слова мне ни в голову, ни на язык, к сожалению, больше не приходили.

А патриотизм в те годы, в отличие от последующих времен, не носил ни мифотворческого, ни агрессивного характера. Поскольку я довольно подробно обсуждал эту щепетильную тему в своей последней книге, то в данном случае просто поделюсь одной малоизвестной цитатой из английского христианского мыслителя К. Льюиса: «Когда патриотизм становится бесом, он плодит и множит зло... Это чувство не безопасно. История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование. Чтобы он не приносил вреда, его надо принимать как сказание... Разновидность патриотизма – уже не чувство, а вера, твердая, даже грубая вера, что твоя страна или твой народ действительно лучше всех. А если наша нация настолько лучше всех, не обязана ли она всеми править? В самой крайней форме такой патриотизм становится тем расизмом толпы, который одинаково противен и христианству, и науке» [Льюис 1992: 248].

В целом годы, о которых идет речь, были *временем расцвета этических ценностей*, открытости и солидарности перед лицом трудностей. И не случайно многие, в том числе и я, считают 90-е едва ли не самым достойным периодом нашей истории за весь двадцатый век. (Годы войны с массовой самоотверженностью и жертвенностью людей как почти нормой поведения в чрезвычайных обстоятельствах с особой шкалой ценностей – время исключительное и потому к обсуждаемым временам отношения не имеет.) К несчастью, тогда, в перестроечные и постперестроечные времена в морально-этическом плане было сказано больше возвышенных и красивых слов, чем сделано практических дел.

На том высоко эмоциональном фоне были отодвинуты на периферию повестки дня такие, хоть, по сути, и либеральные, но «*прозаические*» вещи как неприкосновенность частной собственности, сочетание свободы и уважения к праву, минимизация государственного вмешательства в бизнес и т.д., а в плане личном – необходимость интенсивного труда, принятие ответственности за свою работу, готовность рисковать, особо не рассчитывая на поддержку со стороны государства. Это произошло даже в интеллектуальных, социально рефлексующих кругах. Конечно, экономические реформы обсуждались, и даже довольно интенсивно, но главным образом внутри узких профессиональных групп и гораздо меньше занимали публичное внимание, чем вопросы, связанные с политическими свободами и определенно меньше, чем они того заслуживали.

В кругах либерально мыслящих экономистов преобладала точка зрения, что введение свободного рынка, его «невидимая рука» сама расставит все по местам и в других сферах. Иными словами, доминировала концепция «человека экономического» или экономического романтизма, причем в ее упрощенном виде. Демократический проект, как справедливо заметила как-то Т.Е. Ворожейкина, был сведен к проекту рыночному. К тому же, рядовым гражданам в нем отводилась роль не участников процесса, а лишь его объектов, материала.

И, сделав ставку на всемогущество «невидимой руки» рынка (превратившиеся в клише слова Адама Смита), как-то не очень вдумывались, что рука эта изначально «произрастала» из определенных этических стандартов мышления и поведения, исторически связанных, прежде всего (хотя не исключительно) с протестантизмом и его этикой. Вспомним хотя бы название наиболее известной работы Макса Вебера – «Протестантская этика и дух капита-

лизма». И ведь не случайно основополагающий труд А. Смита называется «Теория нравственных чувств».

К тому же явно недооценивались трудности периода транзита. Разумеется, предпринимательская деятельность развивалась независимо от интеллектуальных дискуссий в академических и близких к ним кругах, но преимущественно в формах, мягко говоря, довольно «специфических», Акцент был сделан не на производство товаров и иных благ для предложения их на рынке, а на перераспределение всеми доступными средствами гигантского, накопленного страной за десятилетия и столетия, массива собственности. Причем происходило это в формах, зачастую небезупречных даже в чисто юридическом плане (не говоря уж о плане моральном) и в амплитуде от относительно честной приватизации до чисто мафиозных операций по ее захвату. Я нисколько не хочу солидаризироваться с модным ныне хором подпевал, на разные лады распевających о «лихих девяностых». Более того, я считаю, что есть основания со всем уважением относиться к тем миллионам и миллионам граждан, которые зачастую на пустом месте и в весьма неблагоприятных условиях, проявили высокую креативность, деловую инициативу, нашли то или иное свое место в складывавшейся системе отношений и в короткие сроки создали работающую рыночную экономику, плодами которой все мы пользуемся. А первая волна «челноков просто-таки заслуживает установки им памятников на городских площадях. Но все же падение уровня жизни и, с другой стороны, криминальный дух того периода оказались слишком велики.

Возможно, этого было трудно избежать после 70 лет советского режима, запрещавшего любую независимую экономическую активность и преследовавшего ее как тягчайшее преступление. Странам Восточной Европы это было полегче просто в силу меньшей продолжительности их пребывания под советской пятой, хотя тоже непросто. Но там все же сохранились люди, «помнившие, как это было». А у нас эти лишние четверть века советского режима оказали очень негативное (а, может, и решающее) влияние на характер приватизации и всю специфику первоначального постсоветского бизнеса.

Таким образом, это был весьма *избирательный либерализм*. Политика и экономика развивались, как бы мало завися одно от другого. Полагаю, мы имеем все основания смотреть на это как на печальный парадокс первого этапа перестройки и демонтажа советского общественно-политического устройства.

Моральная цена экономической трансформации

При этом *одновременно с улучшением ситуации с политическими и интеллектуальными свободами, положение в экономике все ухудшалось, а материальный уровень жизни подавляющего большинства людей падал*. Экономика приближалась к состоянию коллапса. Оказалось, что запустить процесс гласности и даже начать политическую демократизацию много легче, нежели справляться с нарастающими экономическими проблемами. Да, люди были вдохновлены открывшимися широкими возможностями в сферах политического и интеллектуального либерализма, о которых буквально за несколько лет до того поданным СССР и помыслить было нельзя. Да и вообще, за исключением краткого периода от февраля к октябрю 1917г., они были беспрецедентными для нашей страны. Люди поверили в «волшебную палочку» либерализма и *были готовы терпеть* материальные лишения. *Но отнюдь не беспредельно*. Довольно скоро красная черта терпения была пройдена.

Первое правительство Ельцина оказалось в почти трагической ситуации. Время для более мягких и постепенных реформ, и без того краткое, было растрчено в политических схватках и интригах. И правительству Гайдара пришлось действовать максимально быстро и жестко, особо не оглядываясь на массовые чувства и настроения. Пространства для маневра

в тот момент практически уже не оставалось. Зато вполне реальной и даже прогнозировавшейся многими стала полная катастрофа со всеми вытекающими последствиями. Пришедшие в правительство либералы были вынуждены реализовывать эффективный и принесший быстрый экономический результат, но социально очень болезненный, сценарий. И это было сделано. Фактически страна была спасена от экономической катастрофы. Но за очень высокую политическую цену. Благодаря мерам Гайдара и его команды Россия не только избежала падения в пропасть, но и значительно отодвинулась от ее края. Но **платой за это было массовое разочарование в либеральных ценностях. Жесткие экономические меры стали ассоциироваться в массовом сознании с либерализмом.**

Одним из симптомов кризиса стало повышение популярности идеи «особого пути» России как цивилизации, якобы неподвластной общим закономерностям. Что, по мнению аналитиков, является социопсихологическим маркером общественного неблагополучия, социального кризиса [См., напр.: Травин 2018: 119].

Негативные психологические последствия

Ко всему этому добавился еще и **кризис идентичности**. Он был связан с тем, что социальные и профессиональные группы, обладавшие в советские времена наиболее высоким моральным статусом, его лишились, да и вообще утратили всякое влияние на происходившие в обществе процессы, оказались как бы «на обочине». Я имею в виду прежде всего научную и творческую интеллигенцию, хотя не только ее. Так или иначе, но именно эти люди составляли основную часть интеллектуального либерального капитала страны. Они инициировали и продвигали процессы ее либерализации, либо, как минимум, создавали и поддерживали в обществе способствовавшую им определенную духовную и интеллектуальную атмосферу. А в новые времена подавляющее большинство из них оказалось невостребованными и столкнулось с необходимостью элементарного выживания на низком материальном уровне и прозябания на уровне духовном, интеллектуальном.

В то же время вокруг буквально из ничего возникали гигантские состояния, а их обладатели мгновенно вошли в роль новых хозяев жизни с соответствующими манерами и стилем поведения. Причем эти «новые хозяева» в предыдущие времена, как правило, ничем не выделялись из общей конформной массы, не говоря уж о каком-то даже минимальном диссидентстве, а многие из них и делали весьма успешные советские карьеры. Вспомним хотя бы так называемый «комсомольский бизнес». Неплохо вписались в возникшую «ситуацию Клондайка» и персонажи с криминальными ухватками и прошлым. И в новых условиях, в эпоху агрессивного первоначального накопления капитала, на коне оказались те, кто особо не обременял себя ни правовыми, ни, тем более, моральными ограничителями. Именно они оказались главными бенефициарами, выгодоприобретателями всевозможных материальных благ, причем отнюдь не испытывавшими даже минимального уважения к тем, кто эти условия десятилетиями создавал, часто ценой немалых личных жизненных и карьерных потерь. Не говоря о трагедиях диссидентов, большинство из которых в наступившие времена просто оказалось «лишними людьми».

И этот переворот, разрушивший самоуважение и понимание «смысла жизни» у миллионов людей, также был отнесен на счет либералов, найдя вульгарное воплощение в уничижительной кличке «либерасты». В качестве ограниченной аналогии можно вспомнить так называемый «позолоченный век» (gilded age) в США 19 века. Но наша ситуация была значительно более драматичной, масштабной и негативной по последствиям.

Другим фактором, имевшим очень сильный негативный эффект на общественное мнение и сознание, был **феномен обманутого доверия**. Во время перестройки возник обще-

ственный запрос на реальную демократию и на отстранение от властных рычагов персонажей прежнего режима на всех уровнях власти (чего, как было сказано выше, не произошло). При этом в политической и деловой элитах все же появились и некоторые новые лица, а лица прежние освоили демократические манеры и стали довольно складно произносить демократические слова. И люди им, в общем, поверили. К сожалению, вера эта не выдержала проверки реальностью. Хуже того, она цинично эксплуатировалась и нуворишами, и их административными соратниками, и мелкочиновной челядью. Как крайняя форма цинизма, возник даже термин «новое дворянство». Причем особенно охотно его стали применять к себе сотрудники спецслужб?! Подчеркиваю, уже в 90-е годы!!

Разумеется, разрыв между высокими, завышенными ожиданиями и суровой реальностью, порождающий феномен последующего социального разочарования в оценке происшедших перемен – вещь в период транзита неизбежная. Реальность всегда отличается от романтических надежд и упрощенных идеализированных образов «счастливого будущего». Однако в нашем случае разрыв оказался чрезмерным, неприемлемо большим. И ценой, заплаченной за это, стала **потеря доверия к демократическим институтам как таковым, к вере в достижимость социальной справедливости и даже в принципиальную возможность иметь честное правительство**. Одним из последствий стало возникновение нынешнего автократического режима. А **страшный рост системной коррупции** как имманентной части государственного управления, **превращение государства в главного правонарушителя** завершили дело.

Тут следует хотя бы упомянуть о том, что и самому либерализму, особенно в его крайних формах, имманентно присущи и некоторые пороки. Я имею ввиду его определенный элитизм и связанное с ним некое высокомерно снобистское, безучастное отношение к так называемым «лузерам», т. е. к людям, не вписавшимся по разным социальным и личным причинам в ведущую к жизненному успеху систему отношений. Можно наблюдать, что осознание несправедливости такого положения вещей и, соответственно, его неприятие стало в последнее десятилетие в ряде стран Запада весьма значимым фактором и уже привело к довольно серьезным последствиям как социально-экономического, так и морально-психологического характера. Подробнее об этих процессах см., например [Инглхарт 2018]. А в постсоветской России положение усугубилось и радикальным сломом правил социальной игры, что в одночасье поставило миллионы людей перед крайне болезненной, а для многих и непреодолимой, необходимостью перечеркнуть весь опыт предыдущей жизни и пытаться вписаться в формирующийся новый, незнакомый для них жестокий мир эпохи первоначального накопления.

Интуитивный либерализм против государственного прессы

В завершение хотелось бы, однако, добавить немного оптимизма. Даже в трагические моменты «звездного часа авторитаризма» (выражение А.Л. Янова) основания для этого, на мой взгляд, не исчезают. Не буду здесь говорить о верхушечных политических процессах, о внутриэлитной динамике и т. п. Об этом немало написано и продолжает говорить с разных, порой противоположных, позиций, к сожалению, чаще всего под воздействием искажающих реальность субъективных факторов – как желаний и надежд, так и страхов, угроз «стабильности» и т. п. А то и просто в силу политической ангажированности. Я же останюсь на иных, более приземленных, социальных уровнях. Один из обнадеживающих факторов последних, условно говоря, полутора десятилетий – возрождение в обществе такой этической установки как **запрос на честность и справедливость**. Нынешнее российское общественное устройство, как известно, несправедливо во многих отношениях и на всех уров-

нях. Однако, в отличие от предыдущих лет, люди все менее и *менее готовы терпеть эту социальную аномалию*, мириться с ней как с якобы непреодолимым фактором. Что проявляется, как минимум, двояким образом.

Во-первых, в периодических *вспышках протестных выступлений* по разным причинам, которые не всегда напрямую связаны с политикой, а возникают больше по отдельным локальным поводам, например, экологического, инфраструктурного или градостроительного характера. Причем неоднократно наблюдаемая *неготовность (или даже неспособность) властей к адекватной на них реакции* ситуацию либо лишь обостряет, либо загоняет ее вглубь. Типичная полицейская реакция на них властей разных уровней в большинстве случаев – смесь порожденной страхом жестокости и глупости. Не говоря уж о том, что избиения и жестокие задержания полицейскими спецотрядами выходящих на мирные демонстрации молодежи и подростков – вещь, выходящая за рамки юридических норм даже наших «антимитинговых» законов с их весьма сомнительной конституционностью. А о нормах морали и элементарной рациональной осмысленности при оценке действий чиновных персон порой просто трудно говорить. Более того, система последующего формального судебного штампования обвинительными приговорами сплошь и рядом фальшивых полицейских протоколов, по моему мнению, доказывает централизованный характер выбора такой стратегии реагирования на гражданское выражение оппозиционных мнений и настроений. Разумеется, все это, естественно, вызывает у молодых людей (и не у них одних), самое негативное отношение к властям с соответствующими последствиями для их легитимности и перспектив «выживаемости» в будущем. Так что полицейская brutality на грани садизма по отношению к мирным протестным акциям контрпродуктивна не только в плане негативных моральных, репутационных последствий для самой власти (этим она все больше пренебрегает), но даже и с вульгарно прагматической точки зрения. Ибо это *подрывает правовую основу легитимности государства* как такового, что крайне опасно и может иметь разрушительный эффект даже в относительно короткой, не говоря уж о более долгой, перспективе. Опора на силовиков может показаться оптимальной в какие-то моменты. Но, как показывает история, она не только неудобна, но и ненадежна. Не случайно такой великий «гроссмейстер» по захвату и удержанию власти как Наполеон Бонапарт говорил, что «штыками можно делать почти все, но сидеть на них нельзя».

Вообще, на мой взгляд, в широком социальном смысле *протест следует рассматривать как правомерную форму политического участия (political participation)*. Особую, повышенную актуальность и остроту она приобретает *либо при отсутствии других эффективных его форм* (как у нас), *либо при неудовлетворенности ими* (как, например, движения оссору Wallstreet или black lives matter в США). Тема гражданского протеста и реакции на него властей представляется одной из ключевых для понимания как общественных процессов, так и существа политического и административного режима страны. Она очень непростая и, как теперь модно говорить, «неоднозначная». В тех случаях, когда протесты выливаются в насилие и вандализм, как, например, произошло в США в 2018 году с захватом Капитолия, вряд ли их можно оценивать в позитивном ключе. Есть множество и других примеров в самых разных странах. Это – предмет самостоятельных исследований, включающих самые разные уровни – от политических переворотов и захватов власти и вплоть до забастовок в жизненно важных для нормальной жизни обществ областях. Что существенно выходит за рамки данной статьи. Отчасти я рассматривал эти вопросы на примере разных стран [Оболонский 2013].

Но не входя в конкретные причины, вызвавшие протест (они очень разные), отметим, что общая суть протеста – выражение гражданами публичного несогласия с теми или иными действиями властей, пренебрегшими, по их мнению (хотя не всегда адекватному), их интере-

сами и ожиданиями, причем часто выразившими это пренебрежение в демонстративно оскорбительной по отношению к гражданам форме. Поэтому обладателям властных полномочий надо наконец понять, что *протестная активность – не какая-то опасная аномалия или даже «патология», якобы угрожающая «основам» и стабильности, а нормальный элемент независимой социальной активности, что, в свою очередь, является условием существования гражданского общества и полноценного государства.* А протестующие – естественная часть гражданского общества. Протест же – не игра с нулевой суммой, он должен давать выигрыш обеим сторонам. Возможно, что государству, (конечно, если под ним понимать конгломерат чиновников с их специальными интересами), это порой может быть дискомфортно. Но вряд ли это должно быть главным критерием. К том же, если смотреть на протестующих как на врагов или, пуще того, на «иностранных агентов», то не исключены самые неблагоприятные для тех же чиновников сценарии

Другие примеры интеллектуальной неадекватности властей – манипуляции вокруг выборов, когда используется весь набор управленческих ухищрений – от технологических трюков и манипуляций до прямого давления и подкупа членов местных избирательных комиссий. И получаемые таким образом результаты могут убаюкивать лишь совсем недалеконидных людей, которые, впрочем, похоже, в среде принимающих решения и обеспечивающих их проведение в жизнь лиц, сейчас немало. Фактическое уничтожение реального конкурентного политического процесса, а в последние годы, и все большее циничное пренебрежение атрибутами даже имитационной демократии, подрывают саму легитимность власти, за что всем нам приходится расплачиваться и сейчас, и, боюсь, придется еще дороже в обозримом будущем.

Ярчайший пример, наиболее, на мой взгляд, наглядно демонстрирующий несоответствие этики поведения полномочных представителей властных структур даже минимальным стандартам приличий, а, попросту говоря, отсутствие у них самого понятия чести – это поощряемое ими систематическое циничное надругательство над памятью бывшего вице-премьера российского правительства Бориса Немцова, сродни пляскам на могиле. Как известно, на Москворецком мосту, на том месте, где он был убит выстрелами в спину, силами добровольцев возник и уже немало лет поддерживается стихийный «народный мемориал»: цветы, фотографии Немцова, свечи. Больше того, они несут там круглосуточные дежурства, круглый год, в любую погоду. И вот этот мемориал регулярно уничтожается, причем по ночам, чтоб свидетелей было поменьше – либо под фальшивыми предлогами очистки тротуара, ремонта, либо безо всякого предлога, грубо и безжалостно, иногда даже дважды за ночь. Люди вновь и вновь приносят цветы, а прикрываемые властью мародеры их вновь и вновь сметают и увозят. Жалобы и заявления в полицию имеют нулевой эффект. А на все обращения групп граждан и разных организаций с просьбами установить какой-либо памятный знак на месте убийства следует циничный отказ. Он аргументируется отсылкой к общему правилу о 10-летнем посмертном сроке для этого, хотя закон отнюдь не исключает возможности отступлений от данной нормы: лишь за последние несколько лет в городе установлены и монументы и даже названы улицы в память совсем недавно ушедших людей. Характерно, что и в этом, и в других сходных случаях власти порой не гнушаются обращаться даже к услугам реальных подонков и маргиналов, обеспечивая им разные виды «прикрытия» и даже тем или иным образом поощряя их. К счастью, самые последние годы эти вандальные, мародерские акции происходят заметно реже. Можно надеяться, что кому-то, кто поумней, пришло в голову понимание их контрпродуктивного характера. (Говорить в данном случае о факторах моральных представляется неуместным.) К тому же боязнь упоминать даже саму фамилию Немцова наводит на размышления из области то ли патопсихологии, то ли исторической антропологии, на тему современной реинкарнации архаического типа сознания, присущего не-

которым языческих культам, запрещавшим, табуировавшим произнесение определенных слов и имен. Другими такими примерами могут послужить фактический запрет на проведение акций памяти жертв политических репрессий и вандализм по отношению к табличкам «последний адрес», также представляющим акт поминаения людей, безвинно уничтоженным советским государством, что, кстати, было официально признано его наследниками актами их реабилитации.

Во-вторых, я весьма оптимистично оцениваю потенциал *усилий* самых разных *людей с иногда неосознанными, но, по сути, с либеральными моральными и психологическими установками*, их стремлениями *сформировать горизонтальные связи, параллельные структуры, не связанные или минимально связанные с государством*. Общий «знаменатель», посыл таких действий – совсем не политический, а прагматический: *желание стать максимально независимыми от государственной бюрократии*. В стране на самом деле есть немало либерально, по своей сути, ориентированных людей и их групп. Как правило, это объединения не политические в узком смысле слова, а сообщества деловые, бизнес, социальные, благотворительные, культурные, просветительские, экологические, общегуманитарные, коллекционерские и т. д. Они не консолидированы и часто даже друг о друге не слышали. Более того, многие из них не идентифицируют себя в качестве либералов, а порой и слова такого либо не знают, либо знают лишь его навязываемые официозом негативные и уничижительные коннотации. Но возможна ли принципе или даже нужна ли *«интуитивным, неосознанным либералам»* такая консолидация – вопрос отдельный с неочевидным для меня ответом.

Согласно многочисленным подтверждениям социологических опросов, *люди не доверяют большинству государственных институтов и не верят в «государственный разум», благие намерения и даже просто в честность персонала госучреждений*. Государство как гарант нормальной жизни людей, прав и свобод граждан страны, себя дискредитировало.

А неправдоподобно высокий уровень вербального выражения доверия президенту – вопрос для отдельного обсуждения. Заметим лишь, что персональный культ и даже обожание «вождя народа», «отца нации» и т.п. – вещь эфемерная и непредсказуемая даже в кратковременной перспективе. Вспомним хотя бы заоблачный уровень популярности и последующее мгновенное падение его к нулевой отметке у таких отечественных политических лидеров как А.Ф. Керенский, (в течение нескольких месяцев он был просто всеобщим идолом, кумиром, его в буквальном смысле слова носили на руках все – от петербургских интеллектуалов и эстетов до солдат из окопов) [Колоницкий 2017]. Или, из совсем близких времен это – М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин. Да и «качели» цифр президентского рейтинга, не говоря уж о различных интерпретациях их достоверности, с научной точки зрения, тоже должны наводить на размышления. И в любом случае даже самая высокая личная популярность главы государства отнюдь не компенсирует низкого доверия к иным государственным институтам и персонам.

А общее недоверие к системе правления, которая стала все больше походить на советскую модель, тоже парадоксальным образом работает на *возрождение либеральных ценностей*. И то, что в нынешних обстоятельствах оно пока существует, как правило, в формах пассивных, вплоть до известной модели жизни «премудрого пескаря», дела не меняет. В этом, на мой взгляд, есть база для умеренно оптимистичного взгляда и надежд на развитие страны по позитивному сценарию. Относительно же сроков наступления перемен могу лишь заметить, что современный уровень прогнозирования в социальной науке не дает оснований для особого к нему почтения. Политическая динамика, особенно в таких обществах как Россия – вещь почти непредсказуемая. А исторические и страноведческие аналогии типа якобы

фатально непреодолимой «московской матрицы», да и вообще концепт «path dependence», имеют, на мой взгляд, скорее когнитивную, ориентирующую, но никак не «директивную» ценность. Будущее, даже ближайшее, открыто для очень различных сценариев, от более или менее благоприятных до близких к катастрофичным. И, мне кажется, что то или иное отношение к либерализму сможет сыграть в рамках любого из сценариев не последнюю роль. Ведь **в основе либерализма** лежит такая базовая ценность как **свобода, уважение к человеческой личности и ее достоинству**. Что, кстати, закреплено в действующей Конституции РФ. А все прочие напластования, в том числе и отражающие некоторые негативные черты либерализма, преходящи и преодолимы.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. 1997. *Этика политического успеха*. – Тюмень. – М.

Инглхарт Р. 2018. *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. – М. «Мысль».

Колоницкий Б.И. 2017. *«Товарищ Керенский: антимонархическая революция. формирование культа «вождя народа»», март-июнь 1917 года*. – НЛЮ.

Крыштановская О. 1995. Трансформация старой номенклатуры в новую советскую элиту. – *Общественные науки и современность*. – 1. – С. 65.

Крыштановская О. 1996. Финансовая олигархия в России. – *Известия*.

Льюис К. 1992. *Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты*. – М. «Республика». – С. 248.

Оболонский. А.В. 2002. *Человек и власть. Перекрестки российской истории*. – М. «Наука».

Оболонский. А.В. 2003. *Drama of Russian Political History. System against individuality*. – Texas A&M University Press.

Оболонский А.В. 2011. *Кризис бюрократического государства: реформы государственной службы. Международный опыт и российские реалии*. – М. Фонд «Либеральная миссия».

Оболонский А.В. 2013. Народ, власти, полиция: уличные протесты в современном мире. – *Общественные науки и современность*. – № 4. – С. 109-115.

Оболонский А.В. Право граждан на уличный протест и полиция: опыт США. – *Вестник Института Кеннана*. – № 24. – С. 40-49.

Одиссей. 2000. *Человек в истории. История в сослагательном наклонении?* – М. «Наука».

Савваттева И. 1995. О тех, кто нами правит. – *Известия*.

Ферро М. 1992. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. – М. «Высшая школа».

Травин Д.Я. 2018. *Почему ищут особый путь... которого нет*. – «Особый путь страны: мифы и реальность». – М. «Мысль».